

Электрическая машина

Утро было на редкость пасмурное, в классе еще холодно, и первый урок был алгебра. В такой день лучше всего заболеть и остаться дома. В другое время Петя, наверное, так бы и сделал. Он бы, конечно, стал кашлять, жалобно стонать, жаловаться на жар, на головную боль и на горло, и папа в конце концов пожалел бы его. Но сегодня Петя прибежал в гимназию раньше всех. От нетерпения он даже плохо спал. Всю ночь ему снились деньги.

Еще осенью, в начале учебного года, однажды перед концом урока Константин Трофимович — математик — объявил, что мальчики, желающие собирать деньги, могут сделаться вкладчиками Государственной сберегательной кассы. Сберегательные карточки и марки можно покупать у него. При этом он вынул из портфеля несколько желтых сберегательных карточек и три листа сберегательных марок, похожих на почтовые.

Карточки выдавались даром, а марки надо было покупать и наклеивать на карточки.

Марки были в разную цену: в копейку, в три копейки, в пять копеек, в десять копеек — каждая цена другого цвета. Каждая сберегательная

карточка вмещала марок ровно на один рубль.

Когда сберегательная карточка заполнена, марки погашаются, и вкладчику сберегательной кассы вместо сберегательной карточки выдается уже большая, настоящая сберегательная книжка, по которой в главном отделении сберегательных касс государственного казначейства в любой момент и по первому требованию можно получить свое сбережение как полностью, так и частично, причем на всю сумму вклада начисляются три процента годовых.

Так что если, например, какой-нибудь мальчик — объяснил Константин Трофимович — сделает вклад в Государственную сберегательную кассу в размере ста рублей, то по истечении года на его капитал нарастет три рубля процентов, что в общей сумме составит уже не сто рублей, но сто три рубля, каковые и перейдут в основной капитал мальчика.

“Вкладчик”, “сумма”, “проценты”, “основной капитал”, “государственное казначейство”. Эти слова, конечно, были хорошо известны и раньше из задачника Шапошникова и Вальцева. Но там были задачи, то есть нечто отвлеченное, почти неосоздаемое, лишенное объема и красок. Там был “некто”, отдающий свой “капитал” в “рост”. Там была “некоторая сумма”, вырученная от продажи “некоторого товара” и положенная на

“известный срок” в банк из расчета “двенадцати процентов годовых”.

Этот “некто” стоял перед глазами, неуловимый, как призрак, в то время как его отданный в рост капитал где-то обрастал и обрастал призрачными процентами, простыми и сложными и легкими, как снег, опускающийся на белую шапку фонаря.

Но здесь, у Константина Трофимовича, все это было наглядно, осязаемо, трехмерно, даже имело вкус и цвет.

Капитал имел вид сберегательной марки: коричневой двухкопеечной, зеленой трехкопеечной, синей десятикопеечной. Можно было лизнуть языком и почувствовать его вкус — вкус почтового клея. Его можно было понюхать, почувствовать запах экспедиции заготовления государственных бумаг — денежный запах государственного казначейства, в свою очередь состоящий из двух запахов: запаха штемпельной краски и дымного запаха пылающего сургуча.

Петя как очарованный смотрел на сберегательные карточки и на сберегательные марки, которые Константин Трофимович раскладывал на кафедре.

Собирать деньги. Конечно. Он обязательно

будет собирать деньги.

Разумеется, Петя уже и раньше много раз начинал собирать деньги. Один раз он даже насобирал рубль сорок копеек. Но это было совсем, совсем не то. Тогда была какая-то чепуха — круглая деревянная коробка, гипсовая кошка со скважиной в спине. Коробка открывалась, кошку ничего не стоило разбить молотком. Он так и поступал. Нет, это была какая-то чепуха.

Теперь он будет собирать деньги по-настоящему. Теперь он сделается вкладчиком Государственной сберегательной кассы. Его капитал будет храниться в подвалах государственного казначейства. Его капитал будут стеречь казначейские сторожа с револьверами системы “смит-вессон” на синих шнурах. На его капитал будут нарастать известные проценты.

Больше он никогда не будет завтракать. Каждый день вместо завтрака он будет покупать одну десятикопеечную синюю сберегательную марку и наклеивать ее на сберегательную карточку. Через месяц у него будет капитал в три рубля. Тогда он получит сберегательную книжку и станет вкладчиком. Еще через месяц у него уже будет шесть рублей. Еще через месяц — девять. Это совершенно ясно. Через год у него будет капитал в тридцать шесть рублей, и тогда мы

посмотрим. О, тогда мы посмотрим!

Можно себе представить, какое лицо сделает Павлик, когда увидит в руках у Пети золото и кредитные билеты.

Петя едва дышал.

Так как дело было перед большой переменной и гривенник лежал еще в кармане, то Петя первый подошел к кафедре, купил у Константина Трофимовича синюю марку за десять копеек и тут же наклеил ее на сберегательную карточку.

С этого дня Петина жизнь резко изменилась. Он стал вкладчиком. В его боковом кармане лежала сберегательная карточка. Он не мог больше думать ни о чем другом. Первые семь десятикопеечных марок были наклеены в течение пяти дней. В дело пошли те двадцать копеек, которые Петя получил в воскресенье на церковь: он не купил просфорки и не поставил свечки, хотя дома сказал, что просфорку купил и свечку поставил.

Но дальше собирать деньги стало труднее. Если урок алгебры был до завтрака — все шло хорошо: Петя покупал марку и слонялся всю большую переменную хотя и голодный, но зато очень гордый, с таинственной, блуждающей улыбкой и сердцем, полным счастья.

Если же урок Константина Трофимовича был после большой перемены, дело обстояло хуже. Искушение было слишком велико. Частенько случалось, что Петя не выдерживал характера и, проклиная себя, сердито покупал в буфете стакан чаю с сахаром за две копейки, пирожное с желтым кремом за четыре копейки и бублик “семитати” за две копейки, после чего у него оставалось капитала всего две копейки, на которые он, немного подумав, покупал еще один бублик. После этого капитала совсем не оставалось.

Словом, быть вкладчиком оказалось очень и очень трудно.

Тем не менее после пяти месяцев хлопотливой жизни у Пети были заполнены три сберегательные карточки, которые мальчик и сдал торжественно Константину Трофимовичу.

Настал день, когда Константин Трофимович обещал принести Пете и вручить уже не сберегательную карточку, а настоящую большую сберегательную книжку со специальным номером, печатью Главного управления государственных сберегательных касс и множеством подписей.

Константин Трофимович исполнил свое обещание. За несколько минут до конца урока он

вызвал к доске вкладчиков и вручил им сберегательные книжки.

Получив свою сберегательную книжку, Петя почувствовал, как мороз прошел по его лицу. Лицо замерзло. Петя шаркнул ногой, с достоинством поклонился Константину Трофимовичу и, не торопясь, пошел на место, держа перед собою в обеих руках сберегательную книжку, от которой пахло папиросами.

Его движения были скованы скромной гордостью. Лицо стало очень серьезным. Оно побледнело. Глаза сделались еще уже и темней. В то же время сердце страшно колотилось, и внутренний голос, высокий и страстный, полный нечеловеческого блаженства, пел: “Теперь я вкладчик! О, теперь я вкладчик!”

Петя сел на место, засунул сберегательную книжку глубоко в парту, но руку из ящика не вынул, продолжая крепко держать сберегательную книжку холодными пальцами. Он устало облокотился на другую руку, а внутренний голос продолжал петь на все лады: “Теперь я вкладчик! О, теперь я настоящий вкладчик! У меня есть капитал!”

Едва прозвенел звонок и Константин Трофимович вышел из класса, как всех вкладчиков окружили товарищи, требуя показать

сберегательные книжки.

Навалились товарищи и на Петю. Петя никому сберегательную книжку в руки, конечно, не дал, а показывал издали и осторожно перелистывал ее сам, собственными руками, и сам читал вслух то, что в ней было написано.

Великолепной писарской прописью, ясно и красиво, с нажимами и росчерками была выведена Петина фамилия, имя и отчество, а также была проставлена сумма вклада — три рубля.

Петя рассматривал сначала сам, а затем давал издали посмотреть товарищам бледно-сиреневую обложку сберегательной книжки с маленьким, четко отпечатанным двуглавым орлом. Он показывал кудрявые подписи, печати и лиловые оттиски различных штемпелей, испещрявших первую страницу. Остальные страницы были пока пустые, и Петя показывал на свет их водяные знаки, их паркетный узор, девственно чистый, полупрозрачный, как замерзшее стекло.

А внутренний голос тем временем все пел: “Я вкладчик! Я вкладчик!”

Потом Петя пошел гулять в коридор.

Он не рискнул оставить сберегательную книжку в классе. Он взял ее с собой. Она не помещалась в боковом кармане, а сгибать ее не хотелось. Петя держал ее в обеих руках, бережно прижимая к груди.

В коридоре Петя снова показывал сберегательную книжку мальчикам из других классов и давал объяснения.

Перемена продолжалась всего десять минут. Но уже через шесть минут Петиней сберегательной книжкой перестали интересоваться.

Петя остался наедине со своим восторгом, который не только не уменьшался, но, наоборот, с каждой минутой все рос, рос, расширялся, распирал и требовал от Пети немедленных действий. А каких — Петя и сам не знал.

Впереди еще предстояло четыре громадных урока и три перемены, из которых третья, большая, продолжится тридцать минут.

Нет, такое длительное бездействие выдержать было невозможно. Бездействие сводило с ума. Зря пропадал целый день.

Будучи вкладчиком, имея сберегательную книжку, обладая капиталом в три рубля, который

можно получить немедленно по первому же требованию, и оставаться еще четыре часа в гимназии... Нет, это было бы слишком глупо. Нужно как можно скорее идти домой показать сберегательную книжку родным и знакомым, тете, кухарке Дуне, дворнику. Необходимо поскорее сходить к Нюсе Когану, пусть и он посмотрит.

А там будет видно.

Теперь все стало ясно. Остаться в гимназии больше нельзя ни одной минуты. Просто глупо.

Раздался звонок. Перемена кончилась. Тогда, вместо того чтобы возвратиться в класс, Петя пошел по опустевшему коридору, спустился по парадной мраморной лестнице этажом ниже, остановился возле двери в учительскую и прислонился к косяку. Вид его выражал крайнее недоумение.

Первым из учительской вышел инспектор. Это был новый инспектор, еще далеко не старый человек, красавец, с острой бородкой и седыми висками. На нем был не сюртук, но форменная щегольская тужурка из толстого черного диагоналевого сукна с серебряными звездочками статского советника на синих бархатных петлицах. Эти серебряные звездочки были похожи на сильно увеличенные снежинки. Его

мягкие шевровые сапоги на резинках приятно скрипели, и от него приятно пахло свежим одеколоном и брокаровским мылом.

— Ты что здесь околачиваешься? — заметив Петю, сказал новый инспектор звучным, красивым голосом, привыкшим к диктанту.

— Я заболел, — жалобно сказал Петя.

— Какого класса?

— Четвертого. Бачей Петр. Я заболел. Можно мне пойти домой?

— Что у тебя болит?

Петя хотел сказать “живот”, но сейчас же сообразил, что это было бы просто глупо. Наивная брехня, достойная пригостишки. Петя знал, что в городе эпидемия дифтерита. Он решил ударить наверняка. Он с искусно сделанным трудом проглотил слюну и сказал:

— Горло. Трудно глотать.

Новый инспектор потрогал Петину голову.

— Жара нет, — сказал новый инспектор.

— Нет, есть, — сказал Петя. — Я ел снег.

— Ты ел снег?

— Я ел сегодня снег, — сказал Петя, — и теперь мне очень больно глотать. Вот видите.

Петя опять с трудом проглотил слюну и сделал страдальческое лицо. Теперь ему самому показалось, что глотать действительно больно.

— Зачем же ты ел снег? — сказал новый инспектор с отчаянием. — Кто тебя научил есть снег?

— Я не знаю, — с глупой и печальной улыбкой сказал Петя. — Мне хотелось пить, и я сегодня ел снег.

Петя ничуть не врал. Он действительно сегодня ел снег. Но он ел его не только сегодня. Он ел снег и вчера и позавчера. Каждую зиму он ежедневно ел снег и каждую весну сосал сосульки, имевшие восхитительный привкус ржавого железа. Это было безумно приятно. Это делали все мальчишки, и от этого никто никогда не болел.

Однако новый инспектор был удручен.

— Оказывается, в этой гимназии учащиеся едят снег! — повторил он несколько раз подряд, пожимая плечами и вкладывая в эти слова некий

особый, полемический смысл.

— Можно мне пойти домой? — сказал Петя.

— Ступай к доктору, — сказал новый инспектор. — Сейчас же ступай к доктору. Боже мой, в этой гимназии учащиеся едят снег! Я напишу твоим родителям, что ты ел снег. Я напишу об этом в канцелярию попечителя учебного округа.

— Я больше не буду, — сказал Петя.

— Ступай к доктору, — сказал новый инспектор. — Оказывается, они здесь все едят снег. Ну-ну!

Пока Петя таким образом беседовал с новым инспектором, мимо них из учительской прошло на урок несколько преподавателей.

Сперва вышел преподаватель географии с указкой в руках, и за ним служитель в старом мундире с голубым воротником пронес множество палок с географическими картами.

Потом вышел преподаватель русского языка со стопкой тетрадей под мышкой. Из тетрадей выглядывали розовые промокашки.

За преподавателем русского языка вышел

священник, взбивая пухлой рукой свои женские волосы и жадно докуривая тоненькую дамскую папироску.

За отцом законоучителем появился учитель природоведения, перед которым в поднятой руке служитель нес громадную легкую модель цветка с идеально правильным зеленым пестиком, идеально желтыми тычинками, с розовыми лепестками идеально правильного венчика и громадной завязью на тонкой проволочной ножке, воткнутой в деревянную подставку. Цветок качался.

Учитель рисования пронес две геометрические фигуры — шар и конус, сделанные из папье-маше, некогда гляцевито-белоснежные, но с течением времени ставшие желто-серыми, а местами просто черными.

Француз не без труда тащил под мышкой несколько наглядных цветных картин “Четыре времени года”, которые почти касались пола, и Петя заметил одну из них, хорошо ему знакомую, — “L’hiver”, “Зима”, — с водяной мельницей под толстой треуголкой снега, с головастой ветлой возле замерзшего черно-зеленого пруда и с усатым господином на коньках “снегурочка”, который, отбросив назад изящную ножку, толкает перед собой затейливые санки-кресло в форме лебедя, на которых сидит молодая особа с

крошечной муфтой в руках.

Затем появился учитель пения, легко неся свой воздушный груз — скрипку, смычок, платочек и канифоль.

Петя смотрел на эту процессию педагогов и учебных пособий с чувством некоторой неловкости и даже, может быть, сожаления. Так, вероятно, смотрит дезертир, решивший бежать с поля боя, на колонну свежих войск, идущих в атаку с пушками и развернутыми знаменами.

Но это чувство было мимолетно.

В следующее мгновение Петя уже мчался в докторскую по пустынному, гулкому коридору, скользя каблуками по узорчатым метлахским плиткам мимо стеклянных дверей классов, мимо замазанных окон, мимо эмалированных плевательниц и фаянсовых баков с кипяченой водой, под кранами которых на цепочках висели оббитые эмалированные кружки.

Прибежав к докторской, он еле дышал. Лицо его пылало. И это было очень хорошо.

Петя постучал в обитую белой клеенкой дверь и, получив разрешение, вошел в докторскую. Он шаркнул ногой и поклонился доктору.

Доктор только что снял халат и был в одном жилете. Он как раз надевал пиджак с крошечным новеньким университетским значком, чтобы идти на урок в седьмой класс, где он преподавал гигиену.

Служитель с голубым воротником готовился выносить из докторской скелет, у которого болтались кости рук и на пружине щелкала челюсть.

Увидев Петю, доктор отложил пиджак и опять надел халат.

— Неси скелет в седьмой класс, — сказал доктор служителю. — Я сейчас приду. Что случилось? — сказал он Пете.

— Я заболел, — скорбно сказал Петя.

— Это катастрофа, — сказал доктор, блеснув глазами.

Доктор подержал Петю некоторое время за пульс, а потом сказал:

— Не морочь мне голову.

— Нет, честное слово, — сказал Петя льстиво и вместе с тем жалобно. — Я очень плохо себя чувствую. Видите, какой я красный.

Доктор был выкрест и весельчак. Он только что начал практику и во всех отношениях был доволен жизнью. Кроме того, он недавно женился и переживал медовый месяц. У него были чисто выбритые розовые щеки, небольшие подстриженные усики и глянцевитые глаза молодожена.

— Я вижу, что ты красный, — сказал доктор. — Но это еще абсолютно ничего не доказывает. Что у тебя болит?

— Горло. Трудно глотать.

— Тебе трудно глотать, — пробурчал доктор. — А ты не глотай. И вообще не морочь мне голову. Садись.

Доктор посадил Петю на клеенчатую кушетку, покрытую скользящей простыней, и велел разинуть рот.

Одной рукой он взял Петю за затылок и с силой повернул Петину голову лицом вверх, а другой рукой вынул из банки специальную кривую лопаточку и нажал ею на корень Петиного языка с такой силой, что язык онемел.

Доктор заглянул в Петино горло сначала одним глазом, потом другим, потом, не говоря ни слова, вымыл руки над фаянсовой раковиной,

вытер их махровым полотенцем, снял халат и надел пиджак.

— Ты еще здесь? — сказал доктор, удивленно посмотрев на Петю, который стоял посреди докторской, тоскливо разглядывая проволочные формы рук и ног, развешанные по стенам. — Иди. У тебя не болит горло.

— Нет, болит, — сказал Петя. — Я ел снег.

— Неужели? — рассеянно пробормотал доктор, ища что-то на письменном столе.

— Я сегодня ел снег, — сказал Петя, — и теперь мне очень больно глотать.

Петя подумал и прибавил, скосив глаза:

— У меня дифтерит.

— Может быть, у тебя индийская чума? — сказал доктор, продолжая возиться у письменного столика.

— У меня дифтерит, неужели вы не видите? — упрямо сказал Петя, ужасаясь тому, что он говорит.

— Пошел вон, — сказал доктор равнодушно.

— Я сегодня ел снег. Мне очень больно

глотать. Я заболел. У меня дифтерит, — быстро сказал Петя, почти плача.

— Так что же ты от меня хочешь?

— Можно мне идти домой?

— О! — коротко, с глубоким облегчением сказал доктор. — О! Теперь я слышу разумную речь. Ты здоров, но ты хочешь идти домой. Это я вполне понимаю.

Доктор быстро написал узенькую увольнительную записку, вручил ее Пете, подвел мальчика к двери, повернул за плечи, слегка поддал сзади коленом.

— И чтоб это было последний раз, босяк, — сказал доктор, закрывая за Петей дверь.

Размахивая запиской, Петя стремительно разбежался по совершенно пустому коридору.

За десять шагов до класса он неподвижно установил ноги специальным образом одна за другой, в одну линию, раскинул руки и понесся, как по льду, по скользким метлахским плиткам, которые щелкали под каблуками.

Петя вовремя затормозил, иначе он непременно въехал бы головой в стеклянную